

В. Г. Белинский

**Русская история
для первоначального
чтения. Сочинение...**

Виссарион Григорьевич Белинский

**Русская история для
первоначального чтения.
Сочинение Николая
Полевого**

«...Мы поставляем себе за особенное удовольствие и за честь признавать в г. Полевом человека необыкновенно умного и даровитого, литератора деятельного, оказавшего, в качестве журналиста, важные услуги русской литературе и русскому образованию. Мы только не видим в нем гения, каким ему иногда угодно было признавать себя в порывах свойственного человеческого слабости самолюбия. Уважая многие из его произведений, как имеющие неоспоримое достоинство для своего времени, мы не видим в них творений не только вечных, но даже и долговечных. И что ж тут унижительного или обидного для г. Полевого? Всякому свое...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Русская история для
первоначального чтения.
Сочинение Николая
Полевого**

*РУССКАЯ ИСТОРИЯ ДЛЯ ПЕРВОНА-
ЧАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ. Сочинение Нико-
лая Полевого. Часть четвертая.
Санкт-Петербург. В типографии Н.
Греча. 1841. В 12-ю д. л. 448 стр.*

Эта книжка – продолжение прекрасного труда, которому давно была бы пора кончиться...[1] Может быть, некоторым из читателей, особенно «не нашего прихода»[2] покажется странным, что «Отечественные записки» хвалят книгу, написанную г. Полевым, «При сей верной оказии» просим этих господ заметить однажды навсегда, что «Отечественные записки» чужды низкой вражды к лицу, мимо его произведений, что они всегда преследовали и всегда будут преследовать произведения тех людей, от которых, по их природной бездарности, соединенной с ограниченностью понятий, нельзя ожидать ничего хорошего – по той самой простой причине, что в наше время чудес не бывает, и ворона никогда не запоет соловьем[3] Правда, и подобным головам случается иногда обмолвиться умным словом; правда, и Тредьяковскому как-то раз удалось написать эти прекрасные стихи:[4]

*Воньми, о небо! и реку,
Земля да слышит уст глаголы,
Как дождь, я словом потеку,
И снидут, как роса к цветку,
Мои вещания на доли![5]*

Но в продолжении и в окончании этих стихов, достойных Державина, опять-таки сказался почтенный профессор элоквенции, а паче всего хитростей пиитических, Василий Кириллович Третьяков, изобретатель гекзаметра, который может соперничать только разве с октавами одного позднейшего изобретателя в том же роде[6] Умные обмолвки «профессоров элоквенции, а паче всего хитростей пиитических», напоминают прекрасную эпиграмму Баратынского:

*Глупцы не чужды вдохновенья;
Им также пылки мгновенья
Оно как гениям дарит:
Слетая с неба, все растенья
Равно весна животворит.
Что ж это сходство знаменует?
Что им глупец приобретет?
Его капустою раздует,
А лавром он не расцветет[7]*

И потому, есть имена, которые никогда не встретят в «Отечественных записках» похвалы своим произведениям.

Но не к таким именам принадлежит имя г. Полевого. Мы поставляем себе за особенное

удовольствие и за честь признавать в г. Полевом человека необыкновенно умного и даровитого, литератора деятельного, оказавшего, в качестве журналиста, важные услуги русской литературе и русскому образованию. Мы только не видим в нем гения, каким ему иногда угодно было признавать себя в порывах свойственного человеческой слабости самолюбия. Уважая многие из его произведений, как имеющие неоспоримое достоинство для своего времени, мы не видим в них творений не только вечных, но даже и долговечных. И что ж тут унижительного или обидного для г. Полевого? Всякому свое: один творит для веков и человечества, но, доступный только немногим избранным, не служит сильным рычагом для движения общества; другой пишет для эпохи и сливает свое имя с историей этой эпохи. Последний еще скорее получает свою награду, чем первый: часто, теряя в потомстве первобытное свое значение, он тем выше в глазах современников. Разве это не лестно и не славно? Разве для этого не должно, как говорит Гамлет, «быть избранным из десяти тысяч»?..[8]Но, повторяем: от-

давать должное не значит приписывать излишнее, и заслуга не защищает от порицаний в ошибках. Г-н Полевой оказал великую заслугу литературе своим «Телеграфом», и мы умеем быть благодарны за нее, но не до такой же степени, чтоб не видеть, что с «Телеграфом» кончилось время его журнальной деятельности, и что если его имя воскресило на минуту «Сын отечества», то его же редакция и снова уморила этот несчастный журнал[9] Всею своею жизнью; жизнь угасает и в народах, не только в отдельных людях; с годами угасает и гений, не только дарование, как бы оно ни было сильно: Шеллинг живой пример[10] В свое время литературные и эстетические взгляды и мнения г. Полевого были и новы и верны, давали литературе и жизни и направление; а теперь несколько не удивительно, что он задним числом судит о Пушкине, Гоголе и Лермонтове. И должно ли быть нам равнодушными к подобным суждениям, особенно, когда их источник, кроме отсталости и устарелости, заключался еще и в недовольстве собою, в журнальных расчетах, в раздражительности самолюбия? Г-н Полевой оказал

важную услугу, поставив «Гамлета» на русскую сцену;[11] но это все-таки не мешает нам видеть в его переводе довольно жалкую пародию на великое создание Шекспира и, – хотя, может быть, этому-то обстоятельству и обязана пьеса своим успехом в толпе. Поэтому мы убеждены, что никто из людей умных и благонамеренных не увидит пристрастия в наших постоянно одинаковых отзывах о жалком драматическом поприще г. Полевого. Конечно, многие из его драматических Пьес несравненно выше всех произведений наших доморощенных водевилистов, от г. Ленского до г. Коровкина включительно; но что же из этого? Разве это слава – написать роман, который будет выше всех романов гг. Зотова и Воскресенского? Нет, если это и слава, то не для г. Полевого: мы ценим его выше и от души советуем ему перестать состязаться с театральными писаками и побеждать их... Иное, удивляя бессмысленную чернь[12] недостойно внимания порядочного человека; есть венцы, унижающие голову, на которую надеты: ведь и венок из калуфера и мяты – тоже венок, но какие люди могут дорожить им и до-

биваться его?.. Г-н Полевой может еще и теперь сделать много полезного и истинно прекрасного; лучшее доказательство – четвертый том его «Русской истории для первоначального чтения». Когда выйдет последний том этой истории, мы поговорим о ней поподробнее; а теперь скажем только, что еще в первый раз читали по-русски так дельно, умно и с таким талантом написанную русскую историю для детей – от смерти царя Алексея Михайловича до восшествия на престол Екатерины Великой. Особенно хорошо изображено в этой книжке время от смерти Петра Великого. Это не сбор фактов, давно всем известных; это не фразы, из которых читатель узнает, что всегда и все было чудо как хорошо, и не понимает, чем же Петр Великий выше Анны Иоанновны, Екатерина Великая – Елисаветы Петровны, Потемкин выше Бирона, а Державин выше Сумарокова. У г. Полевого есть взгляд, есть мысль, есть убеждения; оттого рассказ его жив, одушевлен, увлекателен, а события запечатлеваются в памяти читателя. Правда, с иными взглядами г. Полевого можно и не согласиться; но самый ошибочный взгляд

лучше отсутствия всякого взгляда. Нам кажется, например, он не совсем понял Миниха и был пристрастен не в его пользу; можно было бы упрекнуть также за некоторые неполноты, небрежность в рассказе и какую-то поспешность в переходе от события к событию; но, повторяем, несмотря на все эти недостатки, книжка г. Полевого весьма полезна и занимательна для «первоначального чтения». Чтоб познакомить читателей с рассказом г. Полевого, выписываем из вышедшей ныне четвертой части его «Истории» два места, которые могут дать понятие о состоянии России в два царствования:

Мы уже говорили о Бироне. Постепенно он до того овладел волею императрицы, ослабевавшей притом в здоровьи, что сделался наконец полновластным владельцем России. Честолюбие и корыстолюбие его были неисчерпаемым источником бедствий. Ему недоставало уже почестей обыкновенных, и в 1737 году, когда скончался последний герцог курляндский, Фердинанд Кетлер, он вздумал быть его преемником. Фердинанд был только герцогом по

титулу и жил в Данциге. Русские войска безвыходно стояли в Курляндии с 1711 года, и герцогство управлялось собранием депутатов, а наследниками Фердинанда хотели быть граф Мавриций и Меншиков. Услышав о желании Бирона, курляндцы не смели противиться, и тот, кого прежде дворянство курляндское не хотело принять в свое сословие, избран был в герцоги курляндские. Но чем более возвышался Бирон, тем ненасытнее были его желания и тем недоверчивее становился он, тем свирепее гнал и терзал противников. Только Остерман и Миних умели обольщать его, удерживаясь на своих местах; но всякий другой, кого подозревал он в милости к нему императрицы, становился его неизбежною жертвою. Мстя князю Дмитрию Михайловичу Голицыну, в 1737 году Бирон обвинил его в несправедливом решении дела, за несколько лет прежде конченного. Старца, уважаемого при перевороте 1730 года, лишили чинов, орденов, отвезли в Шлиссельбург и уморили в тюрьме. Заметив сострадание императрицы к Долгоруким, Бирон обвинил

их в злых речах и умысле; из Березова, из Соловецкого монастыря, из крепостей свезли Долгоруких в Петербург, вспомнили прежние вины их, и в 1739 году свирепая казнь их совершилась в Новгороде: Василию Лукичу и Сергею и Якову Григорьевичам отрубили головы; Ивана Алексеевича, любимца Петра II, пытали, колесовали; он умер, повторяя: «Помяни мя, господи, во царствии своем!» Феофилакт, архиепископ Тверской, ученый пастырь, сочинитель службы на праздник Полтавской победы, возбудил ярость Бирона книгою своею против лютеран; его подвергли пытке, и потом, больного, разбитого параличом, пять лет держали в казематах крепости. Жертвою Бирона сделался наконец Артемий Петрович Волынский, сильный вельможа, любимец Петра Великого, второй после Остермана министр. Честолюбец не менее Бирона, он вздумал открыто бороться с ним, подав на него донос императрице, и чрез несколько часов потом Волынский и друзья его были в застенках, терзаемые неслыханными пытками. Императрица со

слезами подписала приговор, умоляя своего любимца пощадить Волынского, но Бирон был неумолим: июня 27 1740 года казнили Волынского и друзей его: ему отрубили сперва руку, потом голову; тайный советник Хрущов и обер-интендант Еропкин обезглавлены после него; графу Мусину-Пушкину отрезали язык; генерал кригс-комиссар Соймонов и кабинет-секретарь Эйхлер высечены кнутом и сосланы в Сибирь; секретарь Волынского Зуда, по наказанию плетьюми, сослан в Камчатку. Дочь Волынского насильно принудили постричься. Слыша, что свирепость казни возбуждает ропот, Бирон наполнил обе столицы и государство шпионами, щедро награждал доносчиков, и за одно неосторожное слово вельможа и простолюдин были схватываемы, увлекаемы, подвергнуты пытке, казни, ссылке; более 20000 человек всех званий было сослано Бироном в Сибирь, Многие увозимы были тайно; никто не знал их имен, а они не знали своего преступления, томясь в ссылке или в тюрьме. Отцы страшились детей, друзья не смели сойтись бесе-

довать тайно, трепеща тайной канцелярии, где заседал клеврет Бирона Андрей Ушаков, из бедных дворян, достигший графского титула, ордена Св. Андрея, предавший потом Бирона, предавший врагов его впоследствии и умерший в почестях, уже в 1747 году.

Но не одни заговоры и ропот против дел Бирона возбуждали свирепство его. Неурожай и голод в несколько лет произвели большие недоимки податей. Бирон учредил особенные команды, которые ездили по России, собирали подати, пытали, терзали неплательщиков, и все взысканные суммы поступали в Доимочный приказ, коим распоряжался Бирон отдельно от государственного казначейства. Тысячи городских и сельских жителей бежали из России в Польшу, в Турцию; тюрьмы были наполнены колодниками, когда толпы других шли в Сибирь и в Рогервик на каторгу. Ни почести, ни богатства, ни безмолвное раболепство сильных – ничто наконец не удовлетворяло Бирона. Он хотел упрочить власть свою, и даже решился было женить сына своего на великой княжне Анне Лео-

польдовне, утверждая тем род свой на российском престоле. Но императрица не согласилась. Свадьба принца Антона Ульриха с Анною Леопольдовою празднована была 3-го июля 1739 года. Но Бирон не допустил императрицу объявить супруга Анны Леопольдовны наследником престола. Здесь скрывался обширный план его. Бирон хотел, чтобы наследником объявлено было дитя, рожденное от брака великой княгини Анны, а его императрица утвердила опекуном и правителем государства. Все исполнилось по желанию гордого временщика.

.....

Страшная кара пала после сего на главы бывших временщиков, и в падении своем смешались прежние враги и друзья: хитрый Остерман, уцелевший при Меншикове, Долгоруких, Тайном совете, Бироне и Анне Леопольдовне, и враг его Миних, грозный воин и победитель; Левенвольд, изнеженный царедворец, сын слепого счастья, Менгден и родовой боярин Головкин. Миних был бес-

трепетен пред судом. Оправдываясь в каком-то обвинении, вдруг обратился он к одному из судей. «У меня есть тяжкие преступления, – сказал он, – и вот одно из них: когда во время Турецкой войны ты был уличен в воровстве казенных денег, я не повесил тебя: виноват пред богом и государынею!» Видя пристрастие судей, он не хотел, наконец, отвечать на вопросы их. «Напишите, что угодно, – сказал он им, – а я подпишу не читая; вижу, что оправдание мне невозможно». Приговоры были ужасны; положено: Остермана колесовать, Миниха четвертовать, Головкину, Левенвольду и Менгдену отрубить голову. Января 18-го 6000 гвардии окружили эшафот, на котором лежали плаха и топор. Из крепости, в бедных пошевнях, везли осужденных. Остермана, страдавшего тяжкою подагрой, внесли на эшафот; палач поднял над ним топор, когда изречено помилование всем и прочитан указ императрицы, переменяющий казнь на вечную ссылку. Миних хладнокровно слушал его и также гордо, как некогда перед полками, стоял на эшафоте, одетый в

серый кафтан ссыльного, прикрываясь ветхим красным плащом. На другой день отправили Остермана в Березов, Головкина в Германг, Менгдена в Кольмской острог, Левенвольда в Соликамск. Местом ссылки Миниха назначили Пелым; дом, построенный по плану его для Бирона, сделался местом его заточения. Еще более: случайно в Казани на мосту съехались сани Миниховы с санями какого-то ссыльного, возвращаемого в Россию, и в ссыльном Миних узнал Бирона. Бирон узнал Миниха. Они безмолвно поклонились один другому. Несмотря на болезнь, Остерман прожил в Березове до 1747 года. Могилы Меншикова и Долгоруких там показывают жители. Могила Остермана никому не известна; вероятно, как лютеранин, он был похоронен не при церкви, но где-нибудь за селением в лесу. Головкин страдал в ссылке 14 лет и умер в 1755 году. Супруге его позволено было привезти его тело, и она похоронила его в Москве в Георгиевском монастыре. Левенвольд томился в ссылке 16 лет и умер в 1758 году[13]

Ожидаем окончания «Русской истории для

первоначального чтения» г. Полевого: это будет книга, в которой всего более нуждалось русское юношество[14]

Примечания

Первые части этого труда вышли в свет в 1835 г. и получили высокую оценку Белинского (см.: наст. изд., т. 1, с. 425–426, 478–483).

[^^^]

2

Перифраза последней строки басни И. А. Крылова «Прихожанин» (1824).

[^^^]

Белинский имеет в виду многочисленные критические выпады против Полевого, содержащиеся в его статьях 1840–1841 гг. (см.: наст. изд., т. 3, статья «Полное собрание сочинений А. Марлинского», «Репертуар русского театра...» Кн. 1 и 2. «Пантеон русского и всех европейских театров», ч. 1», «Журналистика» и др.).

[^^^]

4

«Вместо слов: «эти прекрасные стихи <...> хитростей пиитических» в «Отечественных записках»: «пять прекрасных стихов; но зато во всех остальных его творениях виден почтенный «профессор элоквенции и хитростей пиитических». Такие умные обмолвки «профессоров элоквенции»...»

[^^^]

Белинский цитирует первую строфу «Оды XVIII. Парафразис вторья песни Моиссеевы» В. К. Тредиаковского (1752).

[^^^]

6

Намек на С. П. Шевырева (см. статью «Педант» – наст. т., с. 382–389 и примеч. к ней).

[^^^]

В этой эпиграмме Е. А. Баратынского (1828) 2-я и 3-я строки читаются:

*Как светлым детям аонид,
И им оно благоволит.*

[^^^]

8

Усеченная цитата из «Гамлета» (д. II, явл. 2, реплика Гамлета).

[^^^]

С конца 1837 г. Половой принял на себя редакцию «Сына отечества»; этот журнал не пользовался успехом.

[^^^]

В последний период своей деятельности Шеллинг приступил к разработке «философии мифологии и откровения», критикуя философию, основывающуюся на разуме. Как раз в 1841 г. публичная лекция Шеллинга (которому тогда было 66 лет) о своей новой философии вызвала решительный отпор, знаменовавший собой утрату влияния этого мыслителя на современников.

[^^^]

Премьера «Гамлета» в переводе Полевого состоялась в Московском театре 22 января 1837 г.

[^^^]

Вместо слов: «Иное, удивляя бессмысленную чернь <...> добиваться его» в «Отечественных записках»: «Г-н Полевой задумал писать «Историю русского народа» и, вместо истории, написал журнальную статью в шести томах, наполненную полемическими выходками и непрерывно противоречащую самой себе. Статья эта, за недостатком жизненных сил, скоро остановилась, и сам автор, вероятно, увидел с прискорбием, что взялся не за свое дело... Но»

[^^^]

Белинский цитирует «Русскую историю для первоначального чтения...» с мелкими неточностями.

[^^^]

Окончания «Русской истории для первоначального чтения» не появилось.

[^^^]